

Татьяна Выводнова

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ Я ЖИВУ ДАЛЬШЕ

История жизни после утраты

Татьяна Выводнова

Я люблю тебя. Я живу дальше

«Автор»

2024

Выводнова Т.

Я люблю тебя. Я живу дальше / Т. Выводнова — «Автор», 2024

Утрата любимого человека - событие, думать о котором совершенно не хочется, но от которого никто не застрахован. Это один из основных рисков, который берет на себя любой человек, вступая в долгосрочные отношения. Книга "Я люблю тебя. Я живу дальше" - это реальная история женщины, которая в 36 лет потеряла мужа, но смогла со временем самостоятельно справиться с утратой. Что такое работа горя, как поговорить о смерти с детьми, помогают ли волонтерство и психотерапия пережить потерю, возможны ли новые отношения, если пока не получилось отпустить предыдущие - ответы на эти вопросы автор ищет вместе с читателями. В книге приведены комментарии психологов и представителей фондов, работающих со вдовами, истории других женщин, потерявших мужей и партнеров, и основанные на личном опыте рекомендации по проживанию утраты близкого человека.

© Выводнова Т., 2024

© Автор, 2024

Татьяна Выводнова

Я люблю тебя. Я живу дальше

Что делать, когда кто-то умирает

Моя история началась утром 15 декабря 2016 года. Как в любой другой будний день, я собралась на работу, муж встал меня проводить, поцеловал и закрыл за мной дверь, а через полчаса умер от внезапной остановки сердца. Было морозно, детей (девяти и четырех лет) мы еще с вечера решили не вести ни в школу, ни в садик, и они как раз проснулись и завтракали, когда муж потерял сознание и больше не пришел в себя. О том, что случилось, я узнала на полпути в офис, когда мне позвонила перепуганная старшая дочь. Такси развернулось и я помчалась обратно, по пути вызывая скорую, но не успели ни она, ни я. Приехавшая бригада зафиксировала смерть, на вскрытии написали "постинфарктный кардиосклероз".

Я проживала свою утрату долго и не уверена, что прожила ее до конца даже сейчас, спустя семь с лишним лет. У меня было много поддержки со стороны друзей и близких, и, не будь ее, не факт, что я бы писала эту книгу сейчас. Но так или иначе, путь горевания и проживания утраты был только моим путем, и пройти его мне нужно было самой.

В первые часы и дни после смерти мужа я словно разделилась на две части. Первая я – мрачная, но собранная и деятельная – вставала готовить завтрак детям и приехавшим на похороны родственникам, ходила греть машину, чтобы на морозе не сел аккумулятор и вообще каждую минуту пыталась чем-то себя занять. Вторая просто безостановочно выла внутри, но ей права голоса пока не давали – я отчего-то знала, что в следующие недели и месяцы она и так будет у руля довольно часто.

Самым сложным было перестать гонять по кругу одни и те же мысли о нелогичности случившегося – словно это какое-то философское изречение, доказав несостоятельность которого, ты получишь право отмотать все назад. Муж никогда не жаловался на сердце, не так давно делал плановое ЭКГ и последний раз болел полгода назад, да и то это была легкая простуда. В последние месяцы он меньше курил, крепкий алкоголь не пил в принципе, принимал витамины, спал по семь часов, любил свою работу, любил нас – свою семью. В день его смерти исполнилось ровно 13 лет и 4 месяца с момента, как мы сказали друг другу “да” в ЗАГСе. А теперь его обручальное кольцо висело на цепочке у меня на шее. Больше всего он боялся разбиться в авиакатастрофе, на втором месте был рак легких. Ему было всего 34.

Я совершенно не представляла, как вообще организывают похороны, но это и не требовалось – рядом все время была мама, брат или еще кто-то из родственников. Я путалась под ногами, выполняла какие-то мелкие поручения, а ночами сидела у его гроба и говорила с ним. Мне очень хотелось увидеть какой-нибудь знак в подтверждение того, что он меня слышит – внезапно вспыхнувшая ярче свеча, мигнувшая лампочка, шум в соседней комнате – но была только оглушающая пустота. Притихшие дети рано уходили спать, наша кошка вставала на задние лапы, пытаясь заглянуть в гроб и понять, на что я так напряженно смотрю часами. Я ощущала, что где-то рядом край бездны, но туда мне было нельзя – теперь дети были только моей ответственностью, и права их подвести у меня не было. Единственным возможным решением было со всем справиться и помочь детям, я старалась держать лицо, если меня кто-то видел, и плакала только после того, как все засыпали.

В первое время после его смерти мне очень нужен был какой-то ориентир, чтобы понять, что со мной сейчас происходит, как собрать то, что осталось от моей жизни, как растить детей самой, как вообще справиться с мыслями, которые меня не покидают? Где-то в рекомендациях мне попала книга «Вдова вдове» Женеьевы Дэвис Гинзбург, оказавшаяся очень полезной.

Конечно, не все в ней было применимо для российских реалий – сидя в бесконечной очереди в каком-нибудь пенсионном фонде, читать о том, как правильно отвечать на открытки с соболезнованиями или как вдове грамотно распорядиться полученной суммой страховки, было как минимум иронично с изрядной долей горечи. Мне очень хотелось прочесть такой же тактичный и поддерживающий, но более современный текст. Я находила в интернете блоги вдов и форумы, где общались люди, потерявшие супруга, читала статьи о работе горя и о стадиях переживания утраты. Информации было много, но готовых исчерпывающих ответов на вопрос, как это – быть вдовой – все равно не было. Я продолжала читать и параллельно училась заново жить свою жизнь, а потом подумала – почему бы мне самой не собрать все изученное и прожитое в одном месте? Так получился этот текст.

—

Несмотря на распространенность опыта вдовства, говорить о нем как-то не принято. Мне безумно хотелось с кем-то обсудить свои переживания, но большую часть времени я не решалась нагружать этим ни друзей, ни родных. Возможно, со стороны я казалась вполне спокойной и собранной – шоковая реакция примерно так и выглядит. Волю своим чувствам я давала только в фейсбуке, сначала выплескивая их на своей странице в открытом доступе, а чуть попозже, начав приходить в себя – в закрытой настройками приватности группе для нескольких десятков читателей. Не со всеми мы были знакомы лично, но в основном это были те люди, с которыми мы годами взаимно читали друг друга и которые знали моего мужа как минимум из моих текстов. Многие писали комментарии, которые очень помогали держаться на плаву – про то, что будет по-другому, про неизвестно откуда приходящую силу, благодаря которой можно пережить все, про детей и то, как я им необходима сейчас. Про то, что боль обязательно притупится со временем, но никогда не исчезнет окончательно. Мне хотелось верить, что так оно и будет – я не хотела лишаться ни боли, ни памяти, ни надежды.

Обсуждать свое вдовство вслух и, не испытывая (почти) неловкости, я начала далеко не сразу, и делала это либо с теми, кто пережил тот же опыт и сам был готов поговорить, либо, уже собирая материал для книги, и обращаясь за фактурой к психологам, фондам и помогающим специалистам. Я говорила с разными людьми об утрате и о том, что она привносит в жизнь того, кто с ней столкнулся. Мне хотелось написать максимально полезную и прикладную книгу – своего рода инструкцию по вдовству, с чек-листами и рекомендациями по оформлению разных документов, советами по проживанию утраты от психологов и прочей важной информацией. Но не впускать в текст мои собственные эмоции и переживания, оставить его сухим, стройным, но лишенным чувств показалось неправильным. Работа горя, о которой говорят психологи – это работа эмоций, и выхолащивать текст я не хотела, в нем должна была быть и моя история. Поэтому книга, изначально задуманная в жанре self-help, превратилась в автофикшн. Но слова тех, кто был готов со мной разговаривать, я оставила в тексте тоже – мне кажется, они делают видимыми и принимаемыми те переживания, которые, возможно, прямо сейчас испытывает кто-то, читающий этот текст. Многие говорили о боли и о том, что благодаря ей начинаешь ценить то, что осталось с тобой, о новых возможностях и новой жизни, которая обязательно придет на смену старой. Возможно, это кажется чересчур оптимистичным, особенно если прямо сейчас, читая этот текст, вы оглушены недавней утратой. Путь принятия потери самого близкого человека невозможно сложен и долог, но вдовство не определяет раз и навсегда всю дальнейшую жизнь. Это опыт, который не вычеркнуть, но он делает сильнее и помогает рано или поздно начать жить дальше. Надеюсь, мой опыт, о котором я рассказываю в этой книге, поможет в это поверить.

Как говорить с детьми о смерти

Мне очень нравится метафора из книги «Милые кости» – там главная героиня, умерев, становится призраком и долгие годы наблюдает за своей семьей. Когда отец собирается объяснить самому младшему ребенку в семье, куда делась его сестра, он предлагает сыграть в настольную игру и говорит что-то вроде «Сюзи теперь как эта фигурка, она просто выбыла с доски, понимаешь?». Выбыла с доски, да.

В каком-то смысле мне повезло – мне не пришлось рассказывать детям о том, что случилось с папой, потому что все произошло на их глазах. Запрещать и скрывать что-то после этого, на мой взгляд, не имело смысла – мы вместе были в доме моей мамы, где было организовано прощание, они в любой момент могли зайти в комнату с гробом, только на кладбище брать я их не стала. Никаких «папа в больнице» – наверное, я в тот момент хотела, чтобы они сразу поняли необратимость ситуации и как можно раньше приняли ее. Какая-то очередная дальняя родственница из тех, с кем и встречаешься-то только на похоронах, с оттенком осуждения сказала мне «но это же такое переживание для детей, надо было сказать, что папа жив, просто навсегда уехал и больше не сможет с ними увидеться». Кажется, именно в тот момент я и поняла, что защищать детей – теперь одна из основных моих и только моих задач, и вывести некие правила о том, как именно говорить с ними о потере, тоже могу только я.

Самым сложным для меня в первые часы и дни после смерти мужа было просто продолжать разговаривать с детьми: в воздухе висело много вопросов о неопределенном, как никогда, будущем, ответов на эти вопросы я не знала, осознать и назвать свои чувства было очень сложно из-за состояния шока, а уж разъяснить другому, пусть и маленькому, человеку, что именно сейчас творится у него внутри – почти невозможно. Очень тянуло просто сбежать в бытовые дела, связанные с организацией похорон, документами и прочей новой невеселой рутинной – в них хотя бы можно было навести видимый порядок и даже похвалить себя за то, что отлично со всем справляешься. Но тело и психика оказались мудрее меня: в какие-то моменты словно открывался клапан и слезы начинали литься сами собой. В большинстве случаев дети в этот момент оказывались где-то неподалеку (теперь я понимаю, что они просто старались постоянно держать меня в поле зрения, такой вот способ убедиться, что мир пошатнулся, но вроде бы уцелел) и мы молча плакали, проживая случившееся вместе.

Скрывать смерть на самом деле бессмысленно – даже маленький ребенок, во-первых, безошибочно уловит эмоциональное состояние родителя и будет переживать, не понимая, что стало его причиной. Во-вторых, будет куда хуже, если он узнает о произошедшем из случайно услышанных разговоров знакомых или родственников: так к чувству потери может добавиться ощущение, что его предали, не доверяют или не принимают всерьез.

Психологи считают, что сообщить о смерти одного из родителей ребенку должен самый близкий человек. Думаю, что это правило касается и вообще любой смерти среди родных и друзей. Нельзя тянуть с разговором и обязательно нужно побыть с ребенком столько, сколько ему будет нужно, чтобы поговорить и дать ему поплакать. Ребенок может начать задавать пугающе рациональные вопросы или разрыдаться, или просто уйти в себя – все эти реакции на первичный стресс более-менее нормальны. С ребенком в этот момент нужно оставаться как можно дольше и по возможности – в тактильном контакте. Нельзя оставлять ребенка наедине с информацией, которая разрушит его привычный мир. Если оттягивать плохие новости невозможно или есть риск, что их до вас сообщит кто-то другой – нужно позаботиться о том, чтобы ребенок не оставался один. На мой взгляд, это правило справедливо и для выросших детей: когда серьезно заболел мой папа, мне было уже около тридцати. В какой-то из дней папе стало лучше, его выписали из больницы, а в шесть утра следующего дня мама позвонила и сказала, что ночью он умер. Я закрылась в ванной и рыдала взахлеб, но рядом в тот момент был муж, который

помог мне собраться, сел за руль и мы поехали домой к родителям. Кстати, только потеряв мужа и оказавшись в роли Взрослого-Который-Должен-Все-Решать, я поняла, что закрыться в ванной и плакать, пока тебя не позовут спускаться в машину – это настоящая привилегия.

К сожалению, смерть, особенно внезапная, редко оказывается возвышенной и эстетичной, как в готических клипах – всегда есть какие-то ужасающие своей неопрятностью и обыденностью моменты, от которых детей лучше оградить. Например, я до сих пор помню, как в отчаянии пыталась что-то сделать в первые минуты ожидания “скорой” и пыталась проверить дыхание мужа с помощью зеркальца, как в дурацких романах; выглядело это, думаю, очень глупо. Помню, как тело мужа вернули из морга без личных вещей, даже умудрились вытащить маленькое золотое колечко из уха. Эти и десятки других подробностей для детей совершенно точно были бы лишними, поэтому детали – очень много деталей – в разговорах с ними мне приходилось опускать, чтобы не превратить их воспоминания в хоррор. История о смерти папы должна была быть такой, которую легко пересказать, ничего не почувствовав, кроме закономерной грусти.

Моим долгом в обрушившейся на нас ситуации было дать понять детям, что все под контролем. Меня штормило, но им было еще хуже – вдобавок к понятным горю, скорби, чувству утраты они наверняка ощущали сильнейшую тревогу и остро чувствовали собственную беспомощность. Ни одному детенышу не выжить без родителей, и хотя бы один из них был очень нужен рядом прямо сейчас, причем именно во взрослой роли – спокойный, мудрый, знающий, что делать, держащий ситуацию под контролем. Поэтому совет, который обычно дают психологи (и которому невероятно трудно оказалось следовать) – говорите о чувствах, разделяйте с ребенком потерю, но постарайтесь не показывать глубину своих эмоций, если не уверены, что сможете их обуздать в любой момент времени.

Любое соприкосновение со смертью так или иначе приправлено неким эзотерическим, мистическим смыслом – невозможно разом поверить в полное исчезновение того, с кем ты болтал и смеялся еще несколько дней назад. Даже заядлым материалистам, по-моему, очень нужно верить в такие моменты, что жизнь после смерти (любая ее версия, описанная в кино или книгах) существует, иначе зачем это все? Поэтому дети тоже нуждаются в понятном и соответствующем возрасту объяснении произошедшего – что в мыслях и воспоминаниях ушедший всегда остается рядом, и с ним даже можно поговорить, доверить секрет или попросить о помощи. В принципе, и самой себе можно говорить примерно так же. Это не обязательно связано с религией, хотя религиозным семьям тут, наверное, проще.

Работа горя, о которой я так много читала после похорон, одинаково запускается у детей и взрослых. Ребенок точно так же перерабатывает свою потерю и не должен запирает в себе эмоции, иначе разбираться с этим, скорее всего, придется потом у психолога. У нас дома всегда было много семейных фотографий, и я не стала убирать их после похорон, хотя смотреть на них первое время было просто невыносимо. Спустя несколько месяцев старшая дочь попросила снять фото папы со стены в детской – как я сейчас понимаю, первый шок отпустил ее позже, чем меня, и вот это «невыносимо» накрыло ее не сразу. Еще примерно месяца через четыре дети попросили достать фотоальбомы со снимками из отпусков тех времен, где все еще живы и вместе. Мы спокойно посмотрели их, повспоминали, как было тогда тепло и здорово; плакать никому не хотелось. После этого девочки несколько раз просили рассказать им истории о том, как мы с папой познакомились, как поженились, как жили до их рождения. Еще старшая несколько раз переслушивала по кругу песни мужа (у него была своя группа и недолгая карьера местной рок-звезды).

Стратегия и тактика общения с детьми на тему пережитой утраты были только моей ответственностью, и никто – ни бабушки, ни другие родственники, ни посторонние люди – не должны были говорить совершенно противоположные вещи из соображений “я лучше знаю, как правильно”. Естественно, в первое время разговоров о случившемся было не избежать – во дворе с друзьями, в школе или садике, – и к этим разговорам нужно было готовить и самих детей, и их окружение.

“Когда не стало моего мужа, дочери было пять лет, – рассказывает Татьяна, согласившаяся поделиться своей историей на страницах книги. – Я с самого начала решила быть честной, но говорить с ребенком максимально просто и понятно – папа умер, папы больше нет. Эту же позицию я донесла до всех, с кем ребенок так или иначе соприкасался – тренер, учителя, знакомые и близкие. Но несмотря на все мои старания и предупреждения, одна из учительниц рассказала дочке свою версию – что папа стал ангелочком и теперь смотрит на нее с небес. А это очень неправильно, на мой взгляд – ребенок начинает воображать сначала папу, который где-то есть, потом обижается, что папа не приходит и думать, что в чем-то провинился. В общем, у нас получилась долгая и сложная история – дочке очень хотелось ухватиться за рассказ авторитетного взрослого и поверить в ангелочка, и все это растянулось на несколько месяцев слез и регресса”.

Есть расхожее мнение, что маленькие дети переносят потерю легче и вообще мало что понимают, однако это не так. Дети реагировали действительно очень по-разному – старшая, всегда бывшая папиной дочкой, горевала сильно и долго, младшая приняла случившееся более спокойно и больше волновалась за то, как мы вообще будем жить дальше, но обе они задавали вопросы о случившемся и проговаривали то, что их заботит.

“Самый сложный период для проживания травмы – довербальный, когда ребенок очень хорошо чувствует, что случилось что-то плохое, но пока не способен выразить это словами, – рассказывает Тамара Богатина, психолог и игровой терапевт. – Ребенок не может никому сообщить о том, что переживает, и ощущает беспомощность. Вообще, в дошкольном возрасте такая тяжелая ситуация, как потеря родителя, переносится очень остро – у ребенка в это время активно формируется мозг, настраиваются процессы коммуникации, и вот такая травма может надолго выбить его из “нормальности” и даже затормозить развитие. Помимо возраста, есть и другие факторы, способные усугубить травму – например, если ребенок постоянно один, взрослые заняты своими проблемами и не понимают, что ему тоже трудно и нужно с кем-то делиться. В этом смысле проще тем, у кого есть братья и сестры – дети рано или поздно начинают друг с другом что-то обсуждать и друг другу немножко помогают пережить случившееся. И еще может сказаться “наслоение” стресса – например, если ребенок переживает утрату, и при этом у него плохие отношения с детьми в садике, или травят в школе, или семья после случившегося переезжает и он оказывается в незнакомом месте, без привычного окружения. Все эти ситуации не сравнятся, конечно, с потерей родителя, но тоже требуют сил, и травмированный ребенок может рано или поздно начать “не вывозить”.

Цикл горевания у детей, как и у взрослых, в среднем занимает год. Ускорить этот процесс, к сожалению, нельзя, но можно и нужно удостовериться, что цикл переживания горя вообще идет. Иногда дети, не желая расстраивать близких еще больше, запрещают себе чувствовать боль, как бы “замирая”, или стремятся взять на себя роль защитника и помощника для мамы, опять-таки задвигая собственные чувства куда-то очень глубоко и не позволяя им выходить наружу.

“Любое состояние ребенка, потерявшего родителя, можно назвать нормальным, если оно содержит некую эмоциональную динамику, – говорит Тамара Богатина. – Он может

злиться, кричать, стать, что называется, неудобным, проявлять агрессию – все это говорит о том, что внутри него продолжают жить и работать чувства. Причем взрослые часто считают неправильной как раз-таки повышенную эмоциональность – крики, истерики, ругань, – и могут такое поведение даже стараться пресечь, но так делать точно не стоит. Гораздо более тревожный симптом – если ребенок не задает никаких вопросов, не пытается поговорить, очень мало плачет или не плачет вообще. Здесь нужно доверять своей взрослой интуиции, просто сканировать состояние ребенка и если кажется, что он какой-то не такой – замерший, тихий, как будто в нем жизнь спряталась куда-то глубоко – то не надо думать, что все в порядке, просто он где-то внутри себя это все переживает. Ребенок как раз не должен переживать все в одиночестве – таким образом теряется его контакт с внешним миром, с близкими, и такая заморозка ни к чему хорошему в дальнейшем не приведет, это как раз такая травма, которая может повлиять на всю жизнь и с ней нужно будет разбираться с помощью психолога или психотерапевта”.

Детям, конечно, нельзя позволять брать на себя функции взрослых даже в моменты катастроф, но что бы я делала без них и их поддержки – я не знаю. Дня через два после похорон я лежала в своей бывшей детской в мамином доме, обессилив от слез, пыталась читать «Маленькую жизнь» Янагихары и из всего черного вихря мыслей настойчивее всего думала одну – как, как, как дети перенесут весь этот ужас, если даже я, взрослый человек, кажется, не вывожу. Девочки, словно почувствовав, о чем я думаю, пришли ко мне и аккуратно сели на кровать.

– Мама, мы точно справимся. Нас же трое и мы будем все время вместе, – сказала старшая, на тот момент девятилетняя.

– То, что случилось – жизнь. И мы будем эту жизнь жить дальше, по-другому, но будем, – добавила младшая, четырех лет.

Мои прекрасные, мудрые и быстро повзрослевшие в те дни дети. Так все и вышло в итоге.

Самые глупые вопросы о смерти, на которые придется отвечать себе и другим

Очень сомнительный бонус вдовства (как, возможно, и каких-нибудь еще переворачивающих личный мир человека событий) – то, что для других людей ты сразу же становишься чем-то вроде эксперта по проживанию текущей ситуации. Для тебя это, разумеется, тоже новый и отнюдь не дивный мир, в котором приходится учиться жить – примерно как нашим кистеперым предкам, вышедшим на сушу: непонятно, что за дичь вокруг, но надо как-то приспособливаться, что ж. Однако нетактичные дальние родственники (я бы выделила таких в отдельный класс живых существ, честно), а также куда более близкие люди, которые просто не знают, о чем с тобой сейчас уместно говорить, раз за разом задают удивительно похожие вопросы, на которые у тебя, предположительно, есть готовые ответы. Но их у тебя, скорее всего, нет, и это нормально.

Какими-то из этих вопросов я задавалась и сама, особенно в часы бессонницы и другие неприятные и тревожные моменты. Мне помогла привычка переносить навязчивые мысли на бумагу, разгружая тем самым мозг. Написанные, они уже не кажутся такими неразрешимо страшными – как известно из самых мрачных сказок, если у чего-то неприятного есть имя, с ним, скорее всего, можно справиться. Да и ответы, если за окном белый день и никто не смотрит на тебя с сочувствием, пополам с жадным любопытством, придумываются легче.

Мой личный топ дурацких вопросов, связанный с вдовством и составленный не без помощи окружающих, выглядел так:

– *Что делать с обручальными кольцами?*

Кольцо мужа я забрала и носила какое-то время на цепочке (как Фродо, да), хотя, конечно, без вышеупомянутых родственников не обошлось – на похоронах мне категорично пообещали, что раз кольцо не хоронят с хозяином, то и личного счастья мне больше не видать. Свое кольцо я не снимала с пальца примерно полгода после смерти мужа – просто чувствовала, что так правильно. Когда пришло время, сняла оба, и сначала была мысль отдать их на переплавку и сделать детям какие-нибудь кулончики-обереги, но опять-таки на чистой интуиции решила, что идея не очень. Так что кольца просто хранятся в той же коробочке, в которой когда-то приехали с нами в загс.

– *Куда и когда отдать вещи мужа?*

Единокого ответа опять-таки нет, но если шкаф у вас был общий, то его полки лучше всего как можно быстрее освободить: видеть его вещи, чувствовать запах каждый раз, когда открываешь дверцу, для меня лично было очень тяжело. Я сложила все в большие синие икеевские сумки недели через две после похорон, и поставила в кладовку, а через пару месяцев набралась сил все рассортировать, оставила несколько любимых свитеров, футболок и кожаную куртку, которые могу носить сама. Остальное перестирала, то, что получше – отнесла в благотворительный контейнер, что похуже – на переработку вторсырья. Мне приятно думать, что его вещи продолжают жить. Хранить все это вечно у себя я в любом случае не стала, у меня маленькая квартира, японский подход (где про «если к вещи год не прикасались, от нее пора избавиться») и выражающаяся совсем в другом сентиментальность.

– *Что делать с его телефоном, ноутбуком и вообще личной техникой? Там же целая жизнь.*

Жизнь, да. Когда от нас уехала «скорая», зафиксировавшая сам факт смерти, и пришла полиция (как мне потом объяснили, это обычная практика, если человек, ничем до того не болевший, вдруг умирает дома) – нужно исключить криминал), один из полицейских спросил, изучила ли я уже телефон мужа на предмет возможных переписок с другими женщинами. Возможно, так он пытался меня отвлечь из лучших побуждений. Все пароли я, естественно, знала (как и муж – мои), поэтому, будь у меня такое желание, изучить могла бы вообще все. Но нет – первую неделю я просто отвечала на все звонки заказчиков и знакомых, до которых новость еще чудом не докатилась, потом скачала с телефона в облако все фотки, все его тексты из заметок, скинула аппарат до заводских настроек и отдала старшей дочери. С ноутбуком сделала то же самое. Его электронная книга лежит нетронутой уже который год, я как-то включила ее просто проверить, работает ли она вообще; да, работает, а последней книгой, которую он читал, был «Эндимион» Симмонса, впрочем, это я и так знала.

– *А его соцсети и вообще «цифровой след»? Удалять все аккаунты и переписки?*

В его соцсетях я опубликовала посты про случившееся, время и место прощания, в статусе ВК поставила даты рождения и смерти. Удивительно, но до сих пор находятся люди, поздравляющие его с днем рождения. Друзья иногда тоже заходят, пишут что-то на стене, в дату смерти или просто так. Я не хочу и не буду удалять его странички. Говорят, Фейсбук иногда делает это сам, если кто-то сообщает о смерти пользователя, но пока все на месте. Это такой огонек, который все еще горит, куда я могу зайти и что-то прочитать. И блог в ЖЖ тоже – я перечитала его с самого начала в первые дни, когда пыталась любой ценой удержать ощущение, что он рядом.

Наши с ним чаты в мессенджерах я удалила без возможности восстановления, потому что было очень тяжело постоянно на них наткаться. Диалог в ВК, кажется, тоже. А еще –

отключила все уведомления о совместных воспоминаниях с ним, все всплывающие оповещения о событиях декабря 2016-го.

У меня никогда не поднялась бы рука удалить хотя бы один из его аккаунтов. Пусть будут виртуальным хранилищем его музыки (в том числе той, что он написал сам), текстов, общих фото, смешных постов с тегом #папасдвумядетями, которые он выкладывал, когда я куда-нибудь уезжала на несколько дней. Ну и вообще, вдруг однажды сбудется та серия “Черного зеркала”, где ИИ сгенерировал цифрового двойника погибшего бойфренда героини, используя информацию из его соцсетей, и внедрил его в андроида. Только это и становится утешением.

И его номер я до сих пор не удалила из контактов телефона. Весь первый год иногда накатывало желание его набрать, но я знала, что после трех месяцев номер могут передать другому человеку, а услышать чужой – живой! – голос в трубке было бы невыносимо.

Где-то в одном из старых почтовых ящиков лежит огромный архив писем, несколько тысяч, которые мы написали друг другу за первые годы знакомства. Я не помню пароль, но где-то там они все равно существуют, и это хорошо.

– Как вообще оповестить знакомых о том, что ты теперь вдова, а не замужняя женщина? Да и надо ли?

Я не хотела делать из случившегося перформанс, но поменять статусы в соцсетях все-таки пришлось после того, как накануне сорока дней мы с детьми встретили в магазине не сильно близкую знакомую, которая с улыбкой сказала «а папку вашего отругать надо, отпустил таких красивых девчонок одних». Пришлось все рассказать, и это было неловко. Новым знакомым я просто сообщаю обычно, что живу одна с двумя детьми, и если находятся те, кто прямо спрашивает, где отец детей – прямо и отвечаю. Дольше всего я игнорировала внесение изменений во всякие анкеты о семье в школе и садике, но потом на родительском собрании фамилию мужа назвали среди самых злостных прогульщиков АСУ РСО (что-то типа электронного дневника). Пришлось при всем классе встать и сказать, что у него есть очень уважительная причина, а потом идти и вносить изменения, куда только можно, чтобы дети случайно не оказались в такой же ситуации.

– А ты планируешь еще выходить замуж?

Сложно поверить, но находятся люди, задающие такие вопросы сразу же после похорон или, что хуже, говорящие о повторном, причем скором, браке как о непреложном факте, и даже предлагающие кандидатов. Если есть такие женщины, у которых и такой план уже на всякий случай продуман – могу ими только восхищаться. Прошли годы, и у меня до сих пор нет ответа на этот вопрос.

– Как же ты теперь вообще будешь?

Всеобъемлющий вопрос, конечно, и у меня сложилось впечатление, что те, кто его задает, рассчитывают, что ты в рыданиях припадешь к их груди и спросишь мудрого совета. Отвечать на него другим людям вообще, на мой взгляд, не имеет смысла – у них-то своя картина мира в голове, в которой ты наверняка идешь работать кассиром в «Пятерочку», одеваешься в секунду и, опустив руки, смотришь, как дети учатся курить вейп, прогуливают уроки, и, как было сказано у великой Астрид Линдгрэн, хохочут и сквернословят. Ну, а если ты быстро приходишь в себя и живешь в принципе нормально – это говорит о твоём бездушии. Вот себе ответить на этот вопрос, конечно, надо – хотя бы в виде жизненного плана на ближайшие недели и месяцы, а потом как пойдет. Одно могу сказать точно – жизнь продолжится, и ты в ней будешь, и даже рано или поздно будешь если и не счастливой, то спокойной, понимающей, что происходит и имеющей все необходимое. За это я могу прямо поручиться.

Те, кто были и будут рядом

Мы не обладаем монополией на чувства к определенному человеку ни при его жизни, ни после его смерти. Когда кто-то умирает, случившееся расходится словно круги по воде, задевая не только родных и коллег, но и порой совершенно неожиданных людей.

Хотя мы с мужем были очень близки, мы всегда старались дать друг другу побольше воздуха – помимо общих друзей, у каждого была своя компания. Сразу после случившегося, еще стоя в оцепенении в верхней одежде и глядя на то, что даже про себя невозможно было назвать телом, я позвонила его родным и своей маме, а потом – его лучшему другу и своей подруге. Они приехали как только смогли и оставались со мной почти все время подготовки к похоронам. У меня еле хватило сил сообщить о случившемся еще нескольким общим друзьям, а вот что делать с остальной его компанией, я не знала. С кем-то я была знакома мельком, с кем-то только заочно, со слов мужа, и как общаться с этими людьми после его смерти, да и общаться ли вообще – не представляла. Возможно, они просто захотят поскорее забыть эту историю как тягостный эпизод, думала я – кому приятно такое напоминание о собственной смертности и хрупкости человеческого бытия? За несколько лет до этого погибла в аварии моя школьная подруга, и я хорошо помнила ощущение неловкости, испытываемое каждый раз, когда я где-нибудь случайно встречала ее родителей. Так что желание уйти в тень при столкновении с чужой бедой меня в тот момент совершенно бы не удивило. Однако попрощаться с моим мужем пришло больше ста человек.

—
Похороны – очень неуютное событие для всех. Никто толком не знает, как себя вести, сколько все это продлится и существуют ли вообще слова, которые уместно говорить у гроба, на поминках, обнимая близких умершего. Идти туда не хочется никому, в том числе из-за риска поймать охапку собственных флэшбэков и триггеров. Грусть, злость, вина, бессилие, неловкость и даже страх – невеселая гамма эмоций, сопровождающих процесс прощания и все, что за ним следует.

В день похорон с самого утра в дом заходили все новые люди, обнимали меня, спрашивали, как дети. Некоторые говорили, что после похорон нам обязательно станет легче. Возможно, для кого-то из окружающих так и было: покупка четного числа роз в цветочном киоске, сдержанное “и черную ленту, пожалуйста” и минуты стояния у гроба, наверное, могут оказаться достаточным актом прощания. Но для самых близких цикл переживания в момент похорон только запускается – невероятная концентрация, благодаря которой был сделан такой объем дел за отпущенные для подготовки к прощанию три дня, становится не нужна, и плотины, которая отделяла от потока мыслей, больше нет.

Я сидела в катафалке, лицом к задним окнам, и видела кажущуюся бесконечной ленту едущих за ним машин на грязно-серой дороге под белесым декабрьским небом. Цветы – в основном красные розы – скрыли гроб почти полностью, и для меня было очень важно знать, что так много людей, кроме меня, тоже его любили. Наверное, и я могу рассчитывать на частичку этой любви в самые пустые и холодные месяцы, которых впереди будет очень и очень много.

—
Похороны закончились, родственники разъехались, прилетел из Москвы на несколько часов, выкrojив их из своего плотного графика, мой лучший друг, за что я до сих пор невероятно благодарна. Прошли хлопотные девять дней, куда тоже приехало человек сорок, и я начала понемногу ощущать глубину своего одиночества. Того, кто занимал огромное место в

моей жизни, больше не было, никто в целом свете не способен был понять масштаб этой утраты – ведь ужасно неловко выносить наружу все эмоции, которые сдерживала та самая плотина.

В первые месяцы после смерти мужа мой круг общения изменился довольно сильно. Рядом вдруг оказывались самые разные люди – от бывших коллег до общих френдов из соцсетей, с которыми мы и вживую-то до этого никогда не виделись. Дети поначалу требовали больше внимания, чем обычно, я почти не могла выходить из дома и общалась только с несколькими подругами, мужественно и мягко принимавшими меня в любом состоянии. Их присутствие не просто в моей жизни, а на расстоянии вытянутой руки, было очень ценным – я получала доступ, хоть и временный, к теплу чьей-то нормальной жизни. Другие, наоборот, исчезали с радаров – в первую очередь это были те, с кем мы дружили детьми и семьями и для кого, видимо, я была теперь расщепленным элементом, предметом со сломанной деталью, с которым непонятно что делать и в какую категорию относить. Несколько моих друзей, выразив соболезнования в первые дни, потом совсем перестали выходить на связь и даже, кажется, скрыли мои посты из ленты в соцсетях. Компанией я и правда тогда была не лучшей и воспринимала это разрушение связей как должное. Впрочем, один из пропавших “членов стаи” неожиданно позвонил месяца через три и позвал меня пообедать. Не знаю, каких усилий ему это стоило и что он ожидал увидеть, но, похоже, выглядела я при встрече менее ужасно, чем могла бы. Он крепко меня обнял и честно сказал «я боялся смотреть на тебя, когда тебе было больно». И я прекрасно поняла, что он имеет в виду.

–

Я мало обсуждала с друзьями свои переживания. Мне не хотелось никого дополнительно напрягать, да и сложно было одновременно формулировать, что у меня на душе, и следить за реакцией собеседника – не планирует ли он сбежать от меня в ближайшие пять минут под благовидным предлогом. Зато я довольно много писала в фейсбуке, и хотя делала это в основном для себя и примерно половина постов оставалась под замком, обратная связь все равно была, причем иногда – довольно неожиданная.

Например, дней через десять после похорон мне вдруг позвонила коллега, с которой мы были знакомы чуть больше месяца и вживую виделись ровно один раз. Мы проговорили почти два часа (за это время я успела отстоять очередь на почте и получить посылку с новогодними подарками, отправленную мамой мужа еще до его смерти – декабрь заканчивался, одного из адресатов уже не было в живых, отправительница успела приехать на его похороны и улететь обратно, а почта продолжала работать в своем собственном ритме, неспешно выплевывая конверты и коробки). Другая коллега, с которой мы на тот момент были знакомы только виртуально, оказывается, внимательно читала все, что я пишу, и спустя несколько лет подошла на каком-то корпоративном собрании, чтобы сказать, что моя ситуация помогла ей переосмыслить отношения с мужем и понять, что потерять его она не готова. Отсылки к тем своим текстам и вообще к случившемуся продолжают прилетать до сих пор. Один из знакомых недавно набрался решимости рассказать, что после смерти моего мужа сделал полный чекап здоровья, постоянно думая о том, что не имеет права обречь свою жену на то, что прошла я, и ушел на удаленку задолго до пандемии), чтобы проводить максимум времени с семьей.

Как я поняла позже, оставаться со мной на связи и не бояться затронуть тему моей утраты смогли в основном те, кто сам однажды пережил подобное и более-менее представлял, что нужно делать. Те, кто такого опыта не имел, в основном выбрали вариант «не отвечать», переживая при этом, возможно, чувство вины пополам с неловким облегчением. Я сама много раз была во втором лагере, время от времени испытывая по этому поводу стыд. Сейчас, когда у кого-то из друзей случается горе, я очень стараюсь побыть рядом. Поддержка человека, оказавшегося в беде – не самый простой и приятный опыт, но именно социальные связи и ощущение, что рядом есть живые и теплые люди, помогают пережить потерю проще.

—

Очень жаль, что на свете не существует книги, где содержатся правила поведения абсолютно в любой ситуации. Я никогда не была чрезмерно эмпатичным человеком, но даже мне удалось быстро научиться распознавать это особенное выражение лица, когда собеседник искренне пытается меня поддержать, но это мучительно неловко, нет слов и хочется вспомнить какое-нибудь важное дело, чтобы поскорее закончить разговор. Скорбь размывает личные границы – в один момент можно спонтанно обниматься с полузнакомым человеком, протянувшим к тебе руки так, что в них захотелось упасть; а в следующие две недели отгораживаться от разговоров даже с близкими друзьями и что есть сил держать лицо. Тем не менее, если бы меня кто-то попросил составить чек-лист по общению с человеком, прямо сейчас переживающим утрату, список получился бы таким:

Если хотите помочь, но не знаете как – подхватите какие-нибудь бытовые дела. Жизнь не ставится на паузу со смертью близкого: машины ломаются, продукты заканчиваются, детям задают поделки в школе. Без слов подставить плечо иногда намного лучше, чем вести долгие проникновенные разговоры об утрате, от одной мысли о которых всем становится неловко. Возможно, от вашей помощи попытаются отказаться, но это исключительно потому, что масштаб произошедшего человек пока не осознает и старается продолжать жить по инерции в «нормальном мире». Ждать в этот момент каких-то внятных пожеланий или четких просьб о помощи не стоит, поэтому берите все в свои руки. Даже на похоронах, где все крупные задачи наверняка уже распределены, может найтись дело и для вас – встретить кого-нибудь в аэропорту или на вокзале, забрать в пекарне пироги, заказанные для поминок, купить в аптеке успокоительные и бумажные платки, которые точно кому-нибудь да понадобятся.

Не пытайтесь сразу привести человека в норму, стараясь рассмешить или преуменьшить утрату фразами «все мы смертны», «пройдет пара месяцев и ты снова начнешь улыбаться» и прочими чудовищными клише. Боль такие слова не уменьшат нисколько, да и нет задачи сейчас глушить эмоции – чем быстрее и глубже человек отгорюет, тем скорее ему станет легче. Ваш собеседник действительно видит сейчас мир только в черных красках, что, в общем, понятно. Если у вас достаточно сил, чтобы разделить его горе – скажите, что открыты к разговору в любой момент, и будьте готовы нырнуть вместе с ним в самые темные и мрачные глубины.

Оставайтесь в поле зрения. Любая поддержка очень нужна и важна, даже если со стороны это выглядит иначе. Ваш друг может быть безучастным или почти нормальным, или лихорадочно возбужденным, планировать глобальные перемены, злиться, рыдать, выглядеть потерянным – и он нуждается в вас в любом из этих состояний. Особенно тяжелые периоды могут длиться от пары дней до нескольких недель, и все это время вам нужно оставаться в зоне доступа для скорбящего, обеспечивая ему «страховочную сетку» на случай совсем уж плохих эпизодов.

Займите “взрослую” позицию. Вам тоже может быть тяжело, особенно если вы хорошо знали умершего, но постарайтесь все же справиться со своими чувствами. Нельзя страдать и охать рядом с человеком, переживающим утрату – это вы сможете сделать где-то еще и с другими людьми, у которых есть ресурс вас поддержать. А у горящего человека может не хватить моральных сил на то, чтобы успокаивать еще и вас.

—

Спустя несколько лет после смерти мужа я наконец добралась до Владивостока – города, откуда он был родом и где прожил до своих двадцати лет. Отправляться в поездку было страшновато, не только из-за многочасового перелета и первой с момента похорон встречи с его родственниками, но и из-за неизбежных болезненных флэшбеков. Я помнила его рассказы про Шамору, Золотой рог, поездки в Благовещенск на поезде, рыбный рынок и морской вокзал, незамерзающий океан и маяки, и не знала, что почувствую, увидев это все вживую.

Я прилетела рано утром и замороженно, как ребенок, смотрела в окно такси, пока мы ехали из аэропорта. Пейзажи напоминали сериал *Lost* – ярко-зеленый лес в туманной дымке на склонах гор. Муж никогда не рассказывал мне про густой запах ламинарии в воздухе, про то, что кошкой здесь называют песчаную косу и по такой кошке можно во время отлива дойти до Токаревского маяка – главной открыточной достопримечательности города – и, если повезет, увидеть на камнях тюленей. На следующий день я сидела под непрекращающимся дождем на владивостокском пирсе, смотрела, как из волн там и тут высовываются головы бакланов, и думала, как же, наверное, сильно он должен был меня любить, чтобы оставить всю эту красоту и уехать в замечательную, но такую пресную и плоскую на фоне океанских бухт и сопот Самару.

До этой поездки мне словно не хватало нескольких кусочков головоломки, чтобы составить его образ целиком, от рождения до смерти. Я собирала их тут и там – морская звездочка с крошечного островка посреди лагуны, обточенный кусочек керамики из Стеклоанной бухты, фото свинцово-серых кораблей на рейде, керамическая брошь в виде пятнистой ларги – и жалела, что мне никогда не удастся поделиться с ним своими впечатлениями от его родного города и не сказать, как я ценю то, что он оставил.

Перед отъездом я побывала дома у его мамы. Несмотря на то, что все эти годы мы поддерживали отношения и регулярно поздравляли друг друга с праздниками, моему предложению заехать в гости она явно удивилась. Первое, что я увидела в квартире – много-много фотографий мужа и наш семейный календарь, который я каждый год печатаю в двух экземплярах, по одному для каждой из бабушек. На меня со стены смотрело собственное лицо и лица наших дочерей. Здесь, за девять тысяч километров от дома, в незнакомой комнате это выглядело одновременно странно и успокаивающе.

Наверное, бывают случаи, когда горе в моменте сразу же сближает тех, кто больше всего любил ушедшего – его жену и его родственников. Но мне кажется, что ссоры над гробом случаются чаще, чем объятия, а выстраивание отношений заново может занять годы. Несколько лет назад я впервые смотрела “Отчаянных домохозяек”, где у одной из главных героинь как раз умер муж и на похороны приехала свекровь. Их диалог я могла бы расписать не хуже сценаристов – взаимные обвинения, подколы, некрасивая ссора в конце. А потом, спустя несколько серий, свекровь героини призналась, что кричала на нее, а злилась при этом на сына, который ушел, не уберечь себя и оставил в одиночестве тех, кто так сильно его любил.

Больше половины тех, с кем я разговаривала, собирая истории для своей книги, не общаются с родителями умершего супруга: кто-то оборвал все контакты сразу же, чтобы отгоревать в одиночестве и идти дальше, кто-то долго вырывался из-под опеки семьи мужа, которая хотела всеми силами сохранить кусочек прежней жизни и не отпускала вдову с детьми в свободное плавание. Мне повезло: сейчас у моих дочерей на другом конце страны есть бабушка, тетя и потрясающая двоюродная сестра, и я очень хочу однажды вернуться к маякам и тюленям, но уже с детьми.

—

Одна из многих вещей, которые мне предстояло осознать после похорон – что очень больно не только мне.

Я носила свое горе бережно, пряча от чужих глаз, как драгоценное драконье яйцо, очень стараясь, чтобы окружающие видели разве что его проблеск. Календарь не давал пощады – девять дней, месяц, сорок дней. Сначала казалось, что хуже всего будет летом: полгода со дня его смерти в июне, мой самый одинокий за всю жизнь день рождения в июле, четырнадцатая (неслучившаяся) годовщина нашей свадьбы, его день рождения и десятилетие старшей дочери – в августе. Я вспоминала, как три года назад на ее семилетие мы вдвоем с мужем с азартом

придумывали сценарий квеста по мотивам *My little pony*, и понимала, что отныне подобные вещи для меня перешли в раздел подвигов, на которые вряд ли когда-нибудь хватит ресурса.

Самым тяжелым в итоге оказался декабрь. Меня крыло буквально от всего – от новогодней иллюминации на улицах, от приподнятого настроения окружающих, предвкушающих Новый год и новое счастье. Меня же ждала подготовка к другой декабрьской дате – нужно было заказывать пироги, отпрашиваться на работе, чтобы съездить на кладбище, обзванивать родственников с приглашением на неизбежные поминки. В десятых числах декабря мне стало физически не хватать воздуха, я постоянно мерзла и вспоминала моргульский клинок из “Властелина колец”, призрачный осколок которого навсегда остался около сердца Фродо. И когда позвонил друг мужа и предложил собраться где-нибудь в баре узким кругом, я очень хотела сказать “нет” – моих четко рассчитанных сил хватало ровно на два часа посиделок с родными в столовой, а потом я хотела вернуться домой и лежать лицом в стену до конца вечности. Но все, что делалось в этот день, было не ради меня, а ради него – поэтому я по недавно приобретенной привычке чуть задержала дыхание, чтобы голос не дрожал, и сказала “конечно”. И в итоге первая годовщина его смерти стала едва ли не самым светлым днем за тот ужасный темный год – я была окружена людьми, которые тоже сильно его любили, скучали, испытывали то же чувство опустошения, что и я, и были готовы говорить об этом вслух. А я, в свою очередь, могла поделиться с ними воспоминаниями, которые просто распирали меня изнутри.

Например, им можно было рассказать, что я до сих помню, какой именно перекресток проезжала, когда мне позвонила перепуганная старшая дочь и сказала, что с папой что-то не так. Что с ним может быть не так, с легким раздражением переспросила тогда я: меньше получаса назад муж встал, как обычно, проводить меня на работу, поцеловал и закрыл за мной дверь. Я сбросила звонок дочери и набрала его номер. Гудки шли и шли, вызовы один за другим уходили на голосовую почту, я уговаривала себя, что он просто крепко заснул, а примерно на десятом звонке трубку снова взяла дочь, уже задыхающаяся от слез, и сказала, что папа ни на что не реагирует. Такси развернулось и помчалось обратно, а на въезде в наш двор застряло в снегу. Я уже плохо соображала от тревоги и ждать, пока таксист выкопает машину, не было никаких сил, поэтому остававшиеся до подъезда двести метров неловко пробежала по сугробам – для рабочего мероприятия, которое совершенно перестало быть важным к этому моменту, я меньше часа назад торжественно надевала каблуки.

Еще одно воспоминание, которое жгло и разъедало меня, пока я не рассказала о нем в тот день – похороны, дом полон людей, кто-то деловито раздает полотенца, на которых нужно нести гроб, остальные разбирают груды принесенных цветов на подобия букетов, чтобы везти их на кладбище. Я – абсолютно спокойная и собранная, словно окруженная стеклянным пузырем тишины – обуваюсь, чтобы выйти сразу за гробом. Моя мама, уже который день, кажется, не знающая, что мне сказать, придерживает меня за локоть и просит – не смотри на него, когда выйдешь на улицу, на морозе лица у покойников темнеют, не запоминай его таким. Но я, конечно же, смотрю не отрываясь – серый декабрьский свет, на его волосы и ресницы опускаются снежинки и не тают, и все это вдруг напоминает мне “Игру престолов”, тот момент, когда Джон Сноу умирает на снегу во дворе Черного замка. Возможно, со мной что-то не так, отрезанно думаю я, раз даже в такой момент я вспоминаю попсовый сериал – но, с другой стороны, человеческая психика вообще работает причудливо, особенно когда пытается уберечь себя от разрушения. Гроб задвигают в катафалк, я забираюсь следом и аккуратно стряхиваю снег с его лица и волос. Он красив, как заколдованный принц, таким я его и запомню. Я продолжаю смотреть на его лицо до того самого момента, пока над ним не опускается крышка гроба.

У любой пары есть подборки коронных историй, которые принято вспоминать на годовщинах свадеб и рассказывать детям, как в сериале “Как я встретил вашу маму”. У нас с мужем

за тринадцать лет брака накопилась уйма таких баек, но рассказывать что-то смешное и романтическое, когда ты вдова, а твой муж мертв – довольно странный перформанс. Но здесь, в полутемном баре, в годовщину его смерти, я могла говорить о чем угодно и сколько угодно.

С тех пор каждый год мы собираемся в середине декабря одним и том же баре и разговариваем. Вернее, теперь я чаще молчу и слушаю, стараясь запомнить его и таким, каким его видели друзья. С каждым годом пришедших становится меньше, и это закономерно. Память стирается и выцветает, и в шестую годовщину его смерти я и сама поймала странное ощущение – я летела в командировку в Москву и долго не могла понять, разглядывая дату на билете, чем таким особенным она мне отзывается. В тот же день одна из глав будущей книги вышла в вебзине “Это пройдет”, и на тот момент у меня не было никакой уверенности, что я однажды закончу этот грустный текст. Однако я продолжаю писать, рассказывая историю утраты определенного человека, какой вижу ее я. Это же событие было бы совсем иначе описано другими людьми, которых оно тоже затронуло: нашими детьми, потерявшими отца в разном возрасте и по-разному его запомнившими, моей мамой, его мамой. Его друзьями – теми, с кем я разговариваю в баре каждый год, и теми, с которыми он не виделся с тех пор, как уехал из Владивостока. Эти люди и их истории окружают меня. Очень хочется записать их или хотя бы запомнить, пока большинство из них не поблекло окончательно и не растворилось в пустоте. Ведь никогда не знаешь, что именно останется в памяти, какую картинку высветит луч внутреннего прожектора. И поэтому я пишу, рассказывая то, что знаю о нем и о нас – о тех, кто остался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.